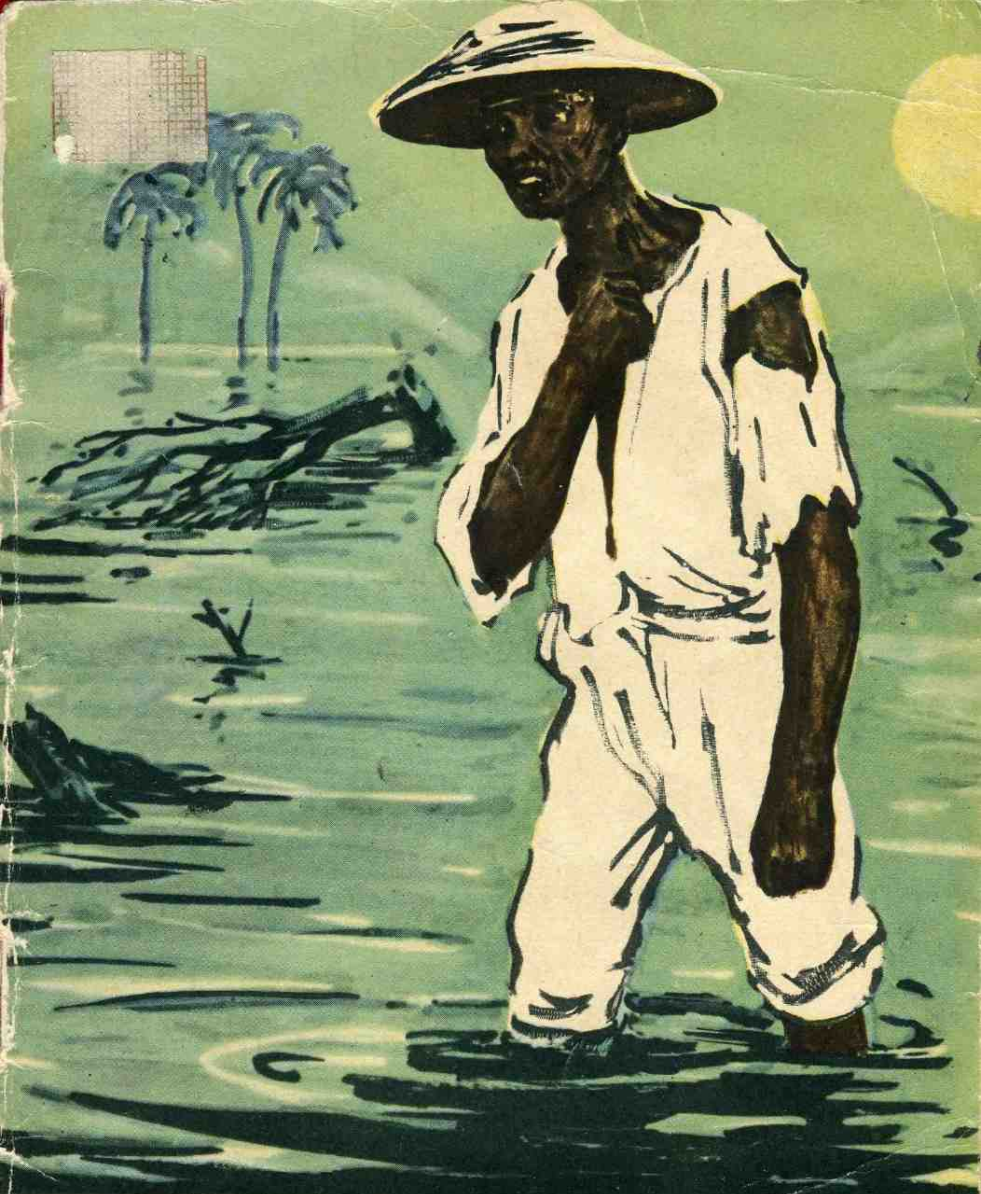

МУЛЬТАТУЛИ
СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ

М у л ь т а т у л и

С К А З К И
и
Л Е Г Е Н Д Ы

*Переводы с голландского
под редакцией А. И. Кобецкой*

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Хрезос	5
Банджир	8
Легенды о происхождении власти	16
Из сказок Ваутера	27
Суд Соломона	41

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Мультиатули

Сказки и легенды

Редактор *А. Миронова*

Оформление худож. *Н. Шеберстова*. Худож. редактор *Л. Калитовская*. Технич. редактор *О. Репина*. Корректор *Л. Петрова*.

Слано в набор 26/III 1957 г. Подписано к печати 3/VI-1957 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—1,5 печ. л. = 2,46 усл. печ. л. 2,29 уч.-изд. л.
Тираж 500 000 экз. Заказ № 1983. Цена 55 коп.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Министерство культуры СССР. Главное управление
полиграфической промышленности. 4-я тип. им. Евг. Соколовой
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мультатули — литературный псевдоним выдающегося голландского писателя Эдуарда Дауэса Деккера (1820—1887). Сын капитана торгового флота, Деккер еще юношей уехал в Нидерландскую Индию и прослужил там восемнадцать лет в колониальной администрации.

Деккер объездил всю Индонезию, побывал в ее самых глухих и отдаленных районах, изучил языки многих индонезийских народов (баттаков, малайцев, яванцев и др.), хорошо знал их быт, нравы, обычаи, эпос и был отнюдь не равнодушным свидетелем жестокого угнетения этих народов Нидерландами.

Правительственный чиновник Деккер открыто выражал свое сочувствие яванцам и возмущение той практикой колониальной эксплуатации, которая имела место в Индонезии. В конце концов он был уволен с государственной службы за свободомыслие.

Литературная деятельность Мультатули фактически начинается с 1860 года, когда он опубликовал роман «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы нидерландского торгового общества», обнаруживший в нем яркий и своеобразный талант писателя-сатирика. Роман этот рисует мрачные картины колониального рабства.

В последующие годы Мультатули написал множество острых сатирических произведений в жанре рассказа, сказки, легенды, письма и т. д. Сатирические письма объединены в сборнике под заглавием «Любовные письма» (1861), социальные новеллы — в сборнике «Среди миллионов» (1870), философские афоризмы, сказки и другие произведения — в сборнике «Идеи» (1862—1877).

В настоящей книге представлено несколько легенд и сказок Мультатули.

ХРЕЗОС

Хрезос жил в Беотии. Он был бургомистром в деревушке, названия которой я не помню. Не могу сказать также, как случилось, что он попал в Беотию, ибо семья его была родом из Афин, и кажется, что он состоял в родстве с Алквадом — одним слишком рано родившимся французом.

Хрезос был добрый человек и жил со всеми в мире. Он, насколько хватало сил, заботился о своей деревушке, а в свободные минуты предавался игре на лютне. Играл он только дома и никогда никого не беспокоил своей музыкой.

Но вот пришли разбойники и учинили ряд насилий над жителями деревушки, в которой жил Хрезос. Он отложил свою лютню и попытался прогнать разбойников. Ему сказали, чтобы он не смел этого делать, ибо разбойники находятся под охраною столичных властей.

Однако Хрезос не поверил — это казалось ему чересчур невероятным. Он продолжал борьбу против разбойников, и так как их было много, то послал в Фивы гонца за помощью.

Вместо помощи, Хрезос получил ответ, что он недостойный бургомистр и безусловно совершенно неспособен занимать какую-либо должность в Беотии. Хрезос не противоречил. Уговорив жителей деревушки запастись терпением, он с женою и детьми отправился в путь, не взяв с собой ничего, кроме лютни. Жилище его было занято другим бургомистром, несомненно более достойным, в глазах фиванских властей и состоявшим, по-видимому,

в большой дружбе с разбойниками, которых глупый Хрезос хотел прогнать. По крайней мере жалобы на разбой прекратились, хотя разбойники и продолжали грабить этот край.

С большим трудом удалось Хрезосу проникнуть в ареопаг и рассказать там обо всем случившемся. Он указал на свою семью, погибавшую от нищеты из-за фиванского магистрата. Все, что произошло, он считал недоумением. Я говорил уже, что он не был уроженцем Беотии. Поэтому он и рассуждал так превратно.

Ареопаг ничего не ответил. Хрезос призывал жену к терпению, что было излишним, и утешался игрою на лютне, что было для него необходимостью. Звуки, извлекаемые им из инструмента, отвечали его настроению. В сущности он не был великим музыкантом, но игра его была проникновенной — ведь он был отец и на его глазах собственные дети умирали с голоду. Именно поэтому, а не потому, что Хрезос играл хорошо, его так охотно и слушали. В его игре было что-то резкое, щекодавщее грубый слух. А в Беотии было немало людей с грубым слухом.

Хрезосу говорили: «Чудесно, играй еще!» Но у него бессильно опускались руки, а по лицу катилась слеза при мысли, что эта похвала доставалась ценою голодания детей. Ему следовало бы играть хуже или вообще не так, как он играл: Он сравнивал свою душу со струнами лютни, которые должны быть сильно натянуты, чтобы звучать... так сильно натянуты, что могли лопнуть и лишить слушателей удовольствия. «Чувствуют ли это струны так же, как я?» — думалось ему.

Все же время от времени он играл, ибо не мог иначе. А семья продолжала голодать.

Не раз обращался он в ареопаг. Наконец ему был вынесен следующий приговор:

«*Ареопаг...* заслушав жалобу бывшего бургомистра Хрезоса на разбой в деревне... и т. д.

Заслушав просьбу Хрезоса о вынесении решения по поводу возникшего между ним и фиванским магистратом дела... и т. д.

Приняв во внимание объяснения вышеупомянутого Хрезоса относительно того, что он и семья его находятся в крайней нужде вследствие недоразумения, побудившего

фиванский магистрат принять сторону разбойников, грабивших деревню, где Хрезос в то время был бургомистром; приняв во внимание показания многих свидетелей, слышавших игру вышеупомянутого Хрезоса на лютне, *силою закона присуждает Хрезоса к игре на лютне и к уплате судебных издержек за ведение дела!*

Ареопاغ был продажный и назывался... *Нидерланды.*

1861 год (Из цикла «Любовные письма»)

БАНДЖИР¹

Загляните-ка в этот бамбуковый домик. Сколько там скопилось народу! Хозяин здесь — Каридин, он угощает собравшихся *кетупатом*². Есть тут и *маниссан*, и *тебу*, и *айер-дьяхе*, и *куэ-куэ*³, и много других вкусных вещей, не имеющих названия или которых я не умею назвать. Тут какой-то праздник... так мне думается! Если судить по хозяину, то случилось незаурядное событие. Но что означает эта перевязанная рука и откуда взялись эти деньги на *балех-балех*?⁴ Да тут целых двадцать гульденов... двадцать гульденов!

Нынче Каридин раным-рано ушел из дому. За деревней ему встретилась лошадь, она бешено неслась вскачь, хотя это была просто ломовая лошадь, без седла. Я всегда невольно вспоминаю и возмущаюсь, когда встречаю кого-нибудь, кто нажил себе богатство здесь, вывозя к побережью продукты из глубины острова. Каридин понял, что бедная тварь не зря мчится так быстро. И вот что замечательно: по дороге бежало с необычным проворством и стадо буйволов. А накануне Каридин видел следы... О, конечно, в окрестностях появился тигр!

¹ *Банджир* — наводнение в горах. (Прим. автора.)

² *Кетупат* — рис, приготовленный особым способом в обертке из листьев. (Прим. автора.)

³ *Маниссан* — варенье, сладости; *тебу* — сахарный тростник, в данном случае поданный как лакомство; *айер-дьяхе* — имбирная вода, *куэ-куэ* — род печенья. (Прим. автора.)

⁴ *Балех-балех* — бамбуковая скамья (или кушетка). (Прим. автора.)

Каридин пошел домой, занял у сельского старосты ружье и отправился туда, где он увидел лошадь. Он рассматривал следы, нюхал воздух... Из леса донеслось чье-то фыркание!

Охотник застыл на месте, взвел курок... В кустах кто-то шевельнулся.

Что это, тень, отброшенная восходящим солнцем, — эти коричневые пятна на желто-зеленой листве?

Опять шевельнулся кто-то. Но, может быть, это ветер подул, или сухой сучок треснул погнувшись, или, наоборот, выпрямившись от нагретого утреннего воздуха...

Все же Каридин прицелился. Саронг¹ его жены был заложен, а премия за убитого тигра недавно была повышена с пятнадцати гульденов до двадцати двух!

Но ружье его — старинная кремневая одностволка. Хорошо ли заострен камень, крепко ли привинчен? Охотник замер; не меняя направления взгляда, он придерживает ружье правой рукой, а левая скользит по стволу к замку, ощупывает курок, находит камень и... вдруг он нечаянно роняет ружье...

Да, это, конечно, притаился тигр. Словно поняв, в каком беспомощном положении очутился его противник, тигр делает прыжок...

Каридин стремительным движением выставил вперед теперь бесполезное ружье, но, увы, это не помогло! У охотника оставался лишь клеванг². Из единоборства с тигром Каридин вышел победителем. Правда, у него изранена была левая рука, но все же он чувствовал себя достаточно крепким, чтобы позвать соседа Па-Симаха и вместе с ним снять шкуру с тигровой туши. Затем Каридин отправился в контору контролера, который и приказал выдать ему положенные двадцать два гульдена. Как же после этого не устроить праздника в своей лачуге!

Амия, жена Каридина, так обрадовалась, что тотчас же решила переменить свое имя. После рождения ребенка, которого Амия ждала, она будет зваться Эмбох-Сари, ибо бедняки на Яве называют себя по имени

¹ Саронг — одежда яванки. (Прим. автора.)

² Клеванг — оружие яванцев — короткий и широкий меч. (Прим. автора.)

своего первенца, и в этом обычае есть что-то трогательное. Разве мать не отказывается от всего, решительно от всего, чтобы быть матерью, только матерью своих детей?!

О вы, корыстно стремящиеся исключить яванцев из великой семьи человечества, не думаете ли вы, что яванская мать — не мать? Не полагаете ли вы, что она лишь ощущает живого ребенка в утробе своей, но что его движения не доходят до сердца ее?

Там был и Па-Симах с Симахом, своим маленьким сыном, имя которого он носил. Как этот мальчик гордился своим отцом, помогавшим снимать с тигра шкуру!

Тут же были и другие дети Па-Симаха. Они ходили почти нагишом, младшие во всяком случае, но это не беда. Им было весело — в этот день они наелись досыта. А какие девушки сидели на корточках в углу! Там была хорошенькая Аисса, отказавшаяся носить фрукты в усадьбу контролера, потому что ей запретил это Дайик. И Дайик, ревнивец, тоже находился тут. И Салеман и Дауд — какие царственные имена! И Сапилах, так славно игравший на *гамланге* и *анклунге*¹. И Кром, бывший солдатом и называвшийся *Номер шестьдесят семь*, потому что в списках ост-индской армии слишком уж много Кром. И Керто Виджойо, которому предстояло стать писцом у помощника сборщика податей, и он ждал только этого назначения, чтобы жениться. И маленькая четырнадцатилетняя Ситу, которая так быстро разгадывала загадки и все же не могла понять — ни тем паче одобрить! — долгой волокиты с назначением Керто Виджойо. А вон тот длинный парень — его зовут Лунтар. Отличное имечко! Это название одного вида пальмы, которая красивее кокосовой, но не приносит плодов. Лунтар одет получше прочих, ибо он служит у сверхштатного чиновника отделения. Конечно, он мог бы меньше заноситься по этому случаю, ибо нет ничего постыдного в том, чтобы работать на рисовых полях, и не такая уж великая честь по полсотне раз в день подавать огонек для раскурки сигары. Но он хорошо ездит верхом, это правда! Недавно ему пришлось отвезти по поручению хозяина пакет в Самаранг, а это все же восемьдесят палей расстояния², да и Кодиль и Ямбуские горы — не

¹ *Гамланг* и *анклунг* — музыкальные инструменты. (Прим. автора.)

² *Восемьдесят палей* — около 120 километров (на Яве),

шутка! И все же через полтора суток он вернулся — вот это я называю ездой!

И вот гамланг звучит перед домишком Каридина. А за домом слышно, как толкут рис. В собравшемся кружке раздается смех, там перекидываются шутками, и нам почти понятны пантуны¹, и жаль было бы не понять, ибо в них часто встречаются подлинные перлы.

Быть может, вы заметили, что притчи Соломона обычно состоят из двух отчетливо различных частей, из которых вторая как бы является ответом на первую. Народные импровизации яванцев в семейном кругу носят такой же характер. Один из участников компании запекает первую строку. Другой или все поочередно отвечают ему речитативом. Я думаю, что притчи Соломона именно так и возникли.

Разумеется, в импровизациях того небольшого кружка, куда я мысленно ввел читателя, в описываемый вечер большую роль играли тигр и происшествия этого дня.

«Сильны когти господина тигра»², — начал запевала, и реплики не замедлили последовать. «Сильнее клеванг в руке человека», — так или приблизительно так ответило большинство присутствующих.

Но Ситу, дожидавшаяся назначения Керто Виджойо, сказала следующее:

«Сильней желание часа... уборки риса», — произнесла она вслух, но сперва пробормотала что-то другое, чего никто не разобрал.

«Сильней мышцы моего коня!» — пропел Лунтар, вспомнивший о своей поездке в Самаранг.

«Сильнее мощь потока!» — воскликнул старик, переживший немало банджиров на своем веку.

А Амия, жена Каридина, сказала:

«Сильнее материнская любовь». Ибо она подумала о младенце, которого ожидала, да и как было не подумать о нем, если он вскоре должен был родиться на свет. Но она не подозревала, что это будет так скоро!

Как это случилось, что все вдруг перестали понимать пантуны? В воздухе повеяло чем-то враждебным... Гамланг звучал глухо, хотя на этот раз на нем играл сам

¹ Пантуны — куплеты, загадки в стихах. (Прим. автора.)

² Яванцы почтительно называют тигра господином. (Прим. автора.)

Сапилах. И уже три раза звал Каридин девушек помогать толочь рис — ему казалось, что там, за лачугой, бездельничают: очень уж глухо слышался стук песта в долбленом стволе. Шум, грохот, и мгновение казалось...

— Тише, — сказал старик, считавший наводнение сильнее тигровых когтей. — Тише... слушайте... слушайте... это оно...

Все смолкли. Все прислушались. Все завопили...

Банджир!

Как описать могучий паводок в горах! С чем сравнить этого водяного исполина, который уносит все, что ему противостоит, сшибает деревья, как соломинки, сносит с лица земли целые леса! О, это естественно, что все народы сохранили воспоминания о могучих потоках младенческой поры своей истории!

Слышимый вначале глухой шорох призывает к бдительности, и кто ему внимает поэтическим слухом сердца, отчетливо распознает в нем призыв к молитве. Этот призыв все народы младенческой стадии развития переводили словами: «Слушайте, как говорит господь бог!», а поэты строили домыслы: *почему* бог так говорит? Жрецы же пользовались страхом народа к своей выгоде и маскировали свое бессилие мнимой властью над могучими силами природы. Но естествоиспытатели изучили, почему облака собираются у горных вершин и с силой низвергают свою влагу, превращая ручейки в реки, реки в потоки, а потоки в море... море, все смывающее, все уничтожающее!

Банджир! Земля дрожит, воздух сгущается так, что трудно дышать, в ушах гудит, словно все звуки соединились в единый гул, который можно было бы уподобить гигантскому «Р», если бы описать этот звук было мыслимо.

Долин, смятенных в грозный час,
Не слышен робкий зов —
Лишь паводка громовый глас,
Потоков дикий рев!
Ущелье — облакам приют;
И туча ночевала тут,
Брюхатая дождем,
И, разрешась горой воды,
На скалы грянула с узды
Сорвавшимся конем!
И вот он, черный водопад.
Он растирает камни в прах,

Сечет под корень дуб в лесах
И, затопляя дол и град,
Равнину превращает в ад¹.

Вода не поднимается, она уплотняется, накапливается. Ее видят не *перед* собою, а *напротив* себя, словно это стена, движущаяся по равнине. Жизнь здесь измеряется не *футами* высоты, но *часами* соседства с водою. И не следует думать, будто несколько часов расстояния от вала обеспечивают безопасность, — эти часы вода пробегает в несколько коротких минут. Вот уже смыты посадки кофейных деревьев, что еще так недавно венчали возвышенность и с мнимо безопасного места взирали на серебристый ручеек внизу... Этот ручеек вздулся и рассвирепел! Нет больше домика с белым фронтоном, так гостеприимно выглядывавшим из окружающего его парка. Высота местоположения не помогла тебе... *Банджир* прыгает и катится через горы и доли, заливая их водой и сохраняет достаточно силы, чтобы подняться еще выше и стать еще более могучим. Долой деревушки на возвышенности! Гляньте: все, что было ниже, уже поглощено, — *банджир* выше холма, который сейчас уже не будет возвышаться над водою, останется только волнистая отмель, как обнажившееся дно моря! Долой все, что является препятствием, все, что обращается в бегство! Против этой силы нет другой силы, с *этой* скоростью не поспорит ничья скорость! Долой людей и животных... долой растения, деревья, сады, леса... все долой, все срезано, смыто, скошено, сглажено!

Но эта ярость недолговечна, именно потому, что она слишком велика. В оставшемся от наводнения или скоро будут найдены обломки разрушенных зданий и трупы всех погибших.

Люди постараются восстановить уничтоженное. Земледелец отыскивает то место, где он сеял. Увы, *банджир* унес и урожай и землю. Пригорок, отмечавший его поле, превратился в озеро, скрывшее в своих недрах плоды его тяжкого труда, и в ласковом журчанье воды столько же фальши, как в улыбке злодея.

Что ж... если вода теперь там, где была суша, зато обнажился большой участок земли, ранее не существовавший. О, эта показная доброта врага, ведущего себя

¹ Стихотворение Мейера «Прощание с Явой». (Прим. автора.)

так, словно он хочет в одном месте отдать то, что отнял в другом. И новая почва плодородна...

За работу, за работу! К предстоящему голоду надо заготовить рису... и кофе надо заготовить к тому голоду, который в Европе именуется торговлей! Надо работать, чтобы дети...

Работать? Чем? Где пачол — лопата? Унесло водой. Работать на жену и детей? Разве их не унесло, как и орудия труда? Не поглотило, как дома, сады, посевы?

О, счастлив ты, труженик, если судьба не пощадила тебя для работы в иле, который окажется таким плодородным, потому что...

Да, потому что твой пачол наткнется на трупы! И когда земледелец встрепенеется и присмотрится, лопата выпадет из его рук... он узнает тело... он узнает многие тела...

Кто это такой?.. Нет, да кто же это был? У него левая рука обмотана... Это был Каридин, так мужественно сражавшийся с тигром, так радовавшийся тому, что он сможет выкупить из заклада саронг жены ценою своего бесстрашия!

А это? Это Па-Симах со своим сынком в объятиях, сынком, которого он так любил. И Симах, который так гордился, что имя его отца всегда будет упоминаться при рассказе о геройском подвиге Каридина!

А вот возле ступы для толчения риса лежат тела трех девушек... Как мило пели они в тот вечер!

А чуть поодаль лежит труп старика, так метко сказавшего, что *банджир* сильнее тигровых когтей...

Но здесь нет трупа Лунтара. Услышав страшную весть, он побежал к дому своего хозяина, вывел из стойла коня — который так резво бежал! — и — вперед... вперед... Но *банджир* догнал и его. Ибо Лунтар ошибался, думая, будто мышцы коня сильнее наводнения!

А вот Салеман и Дауд — двое детей с царственными именами, и Кром, спасшийся от пуль и клевангов жителей острова Бали... Их тоже настиг *банджир*!

А дальше в иле лежат два тела, крепко обнявшиеся... Разъединить их было бы трудно даже после смерти: их придется похоронить вместе! Это Керто Виджойо, которому предстояло сделаться писцом у помощника сборщика податей, и четырнадцатилетняя Ситу, с таким не-

терпением дожидавшаяся этого назначения, чтобы стать женою Виджойо...

И ревнивец Дайик обвил в смертной борьбе своей рукой прелестную Аиссу, как бы для того, чтобы укрыть ее от глаз мужчин, которые найдут ее обнаженное тело после спада воды.

А Амия, которой предстояло переименовать себя в Эмбох-Сари? Женщину ль надо искать или *мать*? Не она ли это лежит с искаженным лицом, словно сраженная двойною смертью? И не ее ли это ребенок — этот бесформенный комок, родившийся в воде?

О боже, о боже! Мы отвращаем свой взор от этого опустошения! Мы слышим последние вздохи, мы чувствуем последние судороги мышц, мы понимаем последние молитвы... сердце наше сжимается болью. Ибо, читатель, эти яванцы были людьми! Трупы, лежащие вон там и угрожающие заразой, — трупы людей. Они чувствовали, надеялись, страшились, как и мы. Они так же притяжали на счастье в жизни, как мы...

Читатель, голландец! Они были *люди*, эти яванцы!

И тот, кто уцелел и горестно стоит на опустошенном клочке земли, безуспешно ища взглядом место, где он сеял, — тоже человек! И когда он ищет тела своих родных, своей матери, своей жены, своего ребенка, у него сжимается сердце в комок, — как от страха не найти их, так и от страха, что они найдутся! И когда ему удаются его скорбные поиски, отчаяние ножом рассекает его душу, как было бы с тобой *самим*, читатель, если бы ты нашел труп своего ребенка, своей невесты, своей матери...

Яванец — *человек*, о читатель!

1861 год (Из цикла «Разное»)

ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАСТИ¹

I

Право сильного

— Брат мой, о ты, который выше меня, достань мне с дерева гранат. Он, как красавица с полуоткрытыми устами, улыбается мне из-за огненных цветов и темной зелени. Видишь, он вполне созрел и даже раскололся, и пурпуром горят края раны, которою он старается привлечь меня. Мне страстно хочется достать этот гранат, брат мой! Ты, который выше меня, протяни руку и сорви, чтобы я мог его съесть!

Брат исполнил просьбу, и младший съел гранат.

Вскоре после этого старший брат пошел бродить по полям и увидел дикую козу, спустившуюся с гор в долину и искавшую своего козленка.

— Не видал ли ты моего козленка? — сказала она, обращаясь ко льву. — Ты живешь в долине и знаешь все тропинки, столь мучительные для моих ног с раздвоенными копытами.

— Брось искать козленка, — отвечал лев, — и приди ко мне, чтобы я тебя съел.

И лев сделал, как сказал.

— Зачем ты съел козу, искавшую своего козленка? — спросил у льва старший брат.

— Ты слышал, как она жаловалась на «неприспособленные ноги», — отвечал лев. — Разве я поступил

¹ Заглавие не принадлежит автору. Под ним редакция объединила несколько различных легенд о происхождении власти. (Ред.)

неправильно, когда съел ее? Посмотри на мои когти, как они «приспособлены»! Взгляни, какие у меня зубы! Вот почему я съел козу!

Юноша задумался и посмотрел на свои руки, которые были длинны, крепки и мускулисты. Он счел их настолько «приспособленными», что... решил заставить младшего брата служить себе.

Когда младший брат снова попросил нарвать плодов, то он ему ответил:

— Взгляни на мои руки! Не сказал ли ты, что твоими ты не можешь достать гранат? Служи мне, а не то я тебя съем!

С этой минуты младший брат стал служить старшему. Но он не радовался открытию, которым старший брат был обязан льву.

Так это осталось и до сих пор.

II

Выдумать богов

Вольтер сказал: «Если бы не было бога, то пришлось бы его выдумать». Само собою разумеется! Всякая власть от бога. Кто хочет власти, хочет бога. Кто нуждается во власти, в авторитете, тот создает бога. Так поступали Моисей, Конфуций, Заратустра, Нума Помпилий, Колумб, Кортес. Так поступали все главари, предсказатели, волшебники, жрецы. Так поступает и в наше время всякий, кто хочет властвовать. Количество богов поэтому столь же велико, как число желаний. Для каждого нового желания — новый бог.

Холловей превращает в богов неизвестных врачей, которые приказывают вам покупать его пилюли. «Так хочет господь», — говорит Моисей. «Так хочет доктор такой-то», — говорит Холловей. — Будьте послушны и покупайте». И оба прибавляют: «Иначе вы погубите душу».

Некая служанка пошла гулять с детьми своего господина. Ей приказали хорошенько смотреть за ними. Но, подите ж, дети были непослушны и разбежались, так что ее присмотр и заботы были ни к чему.

Тогда она из «ничего» создала черную собаку, которой пугала каждого ребенка, не желавшего играть под ее присмотром. И дети страшно испугались этой собаки,

и стали послушны, и не отходили от служанки. В глубине сердца она взглянула на бога, которого создала, и нашла, что он хорош.

Дети же, постоянно испытывая страх перед собакой, лишились рассудка.

Такими они остались и по сей день.

III

Вера.

Один путник вез много золота и серебра. Страшась разбойников, он запасся оружием. За ним следовали его слуги, которых было больше, чем всех разбойников в стране вместе взятых. Он был так хорошо вооружен и у него была такая хорошая свита, что целое войско не могло бы отнять у него его сокровищ.

Некоторые разбойники, не знаящие этого, пробовали нападать на него, но потом долгое время раскаивались, если не погибали от меча тут же.

Один разбойник, умудренный примером собратьев, попросил совета у святого отшельника, который знал все, так как долго прожил в одиночестве в своей хижине. В ней не было ничего, только два скелета и кружка для воды.

— Что же мне делать, святой человек, чтобы овладеть сокровищами путешественника?

— Средство простое, — отвечал благочестивый отшельник. — Накинь ему на шею веревку, которую я тебе дам, и тогда он не сможет оказать никакого сопротивления. Он повелит слугам преклониться перед тобою до земли и дать тебе, чего ты пожелаешь.

Как предсказал святой отшельник, так и случилось. И путнику и всем сопровождавшим его пришлось при этом очень плохо.

Эта веревка звалась «вера», и она сохранила свою силу вплоть до нынешнего дня.

IV

— Скажи, отец, почему солнце не падает вниз?

Отец смутился, потому что не знал, почему солнце не падает, и наказал сына за то, что сын его смутил.

Дитя испугалось отцовского гнева и никогда больше не спрашивало родителя ни о том, почему солнце не падает, ни о многих других вещах, которые ему страстно хотелось знать.

Это дитя не превратилось в мужчину, несмотря на то, что прожило на свете шесть тысяч лет... нет, даже гораздо больше.

Дитя осталось тупым и неразумным и по сей день.

V

Гений и мать

У родителей появился на свет первый ребенок. Мать была в восторге, отец также не мог на него насмотреться.

— Но скажи мне, Гений, всегда ли он останется маленьким? — спросила мать и прибавила: — Сама не знаю, хочу ли я этого или нет? Я очень хотела бы видеть его взрослым, но мне жаль будет, если он изменится настолько, что я не смогу уже больше носить его на руках и кормить грудью.

— Твое дитя станет взрослым человеком, — сказал Гений. — Оно недолго будет питаться твоею грудью. Настанет время, когда ты не сможешь носить его на руках.

— О Гений, — воскликнула мать, — неужели мое дитя уйдет от меня? Научившись бегать, оно уйдет от меня? Что сделать мне, чтобы дитя не ушло от меня, когда научится ходить?

— Люби свое дитя, — сказал Гений, — и оно не уйдет от тебя.

Так оно и было. Так оно в течение некоторого времени и оставалось. Но в конце концов народилось много детей. И многим родителям было трудно любить всех этих детей.

Тогда выдумали заповедь, которая, как многие заповеди, должна была заменить собою любовь. Легче дать заповедь, чем дать любовь: *«Чти отца твоего и матерю твою!»*

Но, несмотря на это, дети покидали родителей, как только начинали ходить. К заповеди прибавили обещание: *«Да долголетен будешь на земли».*

После этого некоторые дети остались у родителей. Но они были не такие, как разумела первая мать, когда

спрашивала у Гения: «Что мне делать, чтобы дитя не покинуло меня, как только выучится ходить?»»

Так все это осталось и по сей день.

VI

«Законный!»

«Первым королем был счастливый воин, — сказал Вольтер. — Но я не знаю, правда ли это».

Столь же возможно, — и даже более вероятно, — что первым королем был некто, водивший знакомство с отшельниками, одолжавшими веревки.

Следующий рассказ, однако, вполне согласен с истинной.

Кратес обладал громадной силой. Большим или средним пальцем он ломал ограды из дубовых стволов и мог одним ударом убить тринадцать врагов. От его кашля загорался воздух, а луна начинала колебаться уже при одной его мысли о движении.

В силу всех этих достоинств Кратес сделался королем. Поцарствовав некоторое время, он умер.

У маленького Кратеса, его сына, был рахит, что, однако, не помешало ему пожелать сделаться королем после отца, обладавшего такой силой.

Он сел в кресло, назвал его трон и изво всех сил крикнул:

— Я король!

— Почему ты король? — спрашивал народ, который был еще глуп и не имел понятия о престолонаследии.

— Потому что моя мать жила в одной хижине со старым Кратесом, который теперь умер.

Он, собственно, сказал: во дворце, но то была хижина.

Народ не имел понятия о логике, и когда Кратес № 2 говорил: «Идите ко мне!» — все разбежались. Когда он говорил: «Уходите!» — то все бежали к нему, сломя голову. Короче говоря, авторитет его был расшатан, а Кратес № 2 был слишком недогадлив, чтобы проводить свою волю путем противоположных приказаний.

В оппозиционной газете того времени было написано следующее:

«Зачем, о кривоногий и неразумный Кратес № 2, зачем занимаешь ты место человека, который двадцать лет

назад жил в одной хижине с женщиной, тебя родившей? Встань и освободи место и не говори «уйди» или «подойди», словно ты настоящий, старый Кратес! Где ограды из дубовых стволов, которые ты сломал одним пальцем? Месяц не двинется с места, хотя бы ты желал, чтобы разверзлась вселенная! Ты не можешь убить и блохи, и твое чиханье не вызывает пожара. Сойди и предоставь место другому, который умеет проделывать все это!»

Так говорила оппозиция.

Кратес, по всей вероятности, был бы принужден покинуть стул, названный им тронем, если бы старая нянька не обратилась со следующими словами к народу:

— Внимай мне, о народ, ибо я нянчила маленького Кратеса, когда он был еще гораздо меньше, чем теперь! Когда он родился, его отец помазал себе голову маслом, и одна капля масла упала также на голову моего питомца. Поэтому нет нужды в том, чтобы он ломал стены, шатал месяц, вызывал кашлем пожары. Говорю вам...

Но красноречивой няньке не пришлось закончить фразу. Вывод сделать было так легко, что весь народ (и редакция оппозиционной газеты всех громче) воскликнул в один голос:

«Да здравствует божий помазанник!»

Кратес остался в кресле, которое он назвал тронем. В нем сидит он и по сей день.

VII

*Тюгатер*¹

Тюгатер доила коров своего отца, и доила их хорошо, ибо молоко, приносимое ею домой, давало больше масла, чем молоко, которое приносили домой ее братья. Я открою тебе причину, слушай внимательно, Фэнси², чтобы ты знала, если тебе когда-нибудь придется доить коров. Рассказываю это, однако, не для того, чтобы побудить тебя доить коров, как Тюгатер, а чтобы указать тебе на пример ее братьев, доивших хуже, чем сестра, и поступивших вследствие этого лучше. Во всяком случае, разумнее!

¹ *Тюгатер* на санскрите означает «доильница». (Прим. автора.)

² *Фэнси* (Fancy) — фантазия (англ.).

Задолго до прибытия на пастбище доильщиц коровы толпятся у огорожи, с нетерпением ожидая минуты, когда их освободят от молока, которое они накапливают в сущности для телят. Люди же съедают телят, считая это своим правом, и тогда у коров образуется излишек молока в вымени.

Что же случается, когда коровы стоят в тупом ожидании у огорожи? В это время наиболее легкие части молока — сливки, жир, масло — поднимаются кверху, удаляясь от сосцов. Тот, кто выдаивает терпеливо, до конца, приносит домой жирное молоко; тот же, кто торопится, оставляет в вымени сливки.

Тюгатер никогда не спешила, а ее братья всегда торопились.

Каждый из них претендовал на нечто большее и лучшее, чем доение отцовских коров. Она же никогда об этом не думала.

— Отец выучил меня стрелять из лука, — говорил один из братьев. — Я могу жить охотой и хочу попутешествовать по свету и поработать на себя.

— Меня отец выучил ловить рыбу, — говорил другой. — Я был бы глуп, если бы доил вечно чужих коров.

— Мне он показал, как делаются лодки, — восклицал третий. — Я срублю дерево, сяду на него и поплыву по воде. Мне хочется узнать, что лежит по ту сторону озера!

— Мне хочется жить с белокурой Гюнэ, — заявил четвертый, — и иметь собственный дом и доильщиц, которые доили бы моих коров.

Таким образом, у каждого брата было свое желание, свое стремление, была своя *воля*. Планы эти так увлекали их, что у них не оставалось времени выдаивать сливки, которые коровы вынуждены были хранить без пользы себе и людям.

Что касается Тюгатёр, то она выдаивала все до последней капли.

— Отец, — воскликнули однажды братья, — мы уходим от тебя

— А кто же будет доить коров? — спросил отец.

— Конечно... Тюгатер!

— А что, если и у нее явится желание покинуть меня, попутешествовать по свету, половить рыбу, поохотиться? Если ей также придет в голову поселиться вместе с каким-нибудь белокурым или темноволосым мужчиной и

иметь собственный дом и все, что с этим связано? Без вас я могу обойтись, а без нее нет... потому что молоко, которое она выдаивает, самое жирное.

После некоторого раздумья сыновья ответили:

— Отец, не учи ее ничему! Тогда она всю жизнь будет доить твоих коров. Не показывай ей, как натянутая тетива, будучи спущена, выбрасывает стрелу, — и у нее не явится желания охотиться. Пусть она не знает, что рыба проглатывает острый крючок, когда он искусно скрыт в приманке, — и ей не захочется закидывать удочки или сети. Не учи ее, как выдалбливают дерево, чтобы переплыть в нем на другой берег озера, — и она не будет стремиться на противоположную сторону. Пусть она никогда не узнает, что совместно с белокурый или темноволосый мужчиной можно иметь свой дом и все, что к нему относится! Не рассказывай ей никогда об этом, отец, — и она останется навсегда с тобой, и молоко твоих коров будет жирно по-прежнему. А нас отпусти, отец, каждого в ту сторону, куда его тянет!

Так говорили сыновья. Но отец, человек очень осторожный, сказал:

— Эх, разве можно помешать ей узнать то, о чем я буду умалчивать? Что будет, когда она увидит голубую стрекозу, плывущую по воде на древесной веточке. Когда натянутая нитка на ее станке, внезапно оборвавшись, отбросит с силою челнок? Когда на берегу ручья она сама увидит рыбу, которая с неловкостью прожоры, желая схватить юркого червячка, попадет на колючки прибрежного тростника? Когда, наконец, весною она найдет гнездышко, свитое жаворонками в душистом клевере?

Снова задумались сыновья и затем сказали:

— Все это ничего ей не раскроет, отец. Она слишком глупа, чтобы от знаний перейти к желанию. И мы ничего не знали бы, если бы ты не просветил нас.

— Нет, Тюгатер не глупа, — возразил отец. — Я боюсь, как бы она сама не узнала того, что вы узнали только с моей помощью. Нет, Тюгатер вовсе не глупа!

После раздумья, на этот раз более продолжительного, сыновья сказали:

— Отец, внуши ей, что для девушки *знать, понимать и желать — грех!*

На этот раз осторожный отец остался доволен. Он отпустил сыновей, кого на рыбную ловлю, кого на охоту, кого на поиски приключений, кого жениться...

Но Тюгатер он запретил *знать, понимать и желать*. И она в наивности и простоте своей продолжала доить его коров.

Так все это осталось и по сей день.

VIII

Гассан

Гассан торговал финиками на улицах Дамаска. Говоря, что он торговал, я, собственно, хочу сказать, что он их не продавал, ибо его финики были так мелки, что никто не хотел их покупать.

С досадой и завистью глядел он на то, как покупатели толпились около богатого Ауледа, жившего на циновке неподалеку от него, потому что в Дамаске люди живут на циновках, в очень глубоких ямах, и крыши над головой у них не бывает. Богатство Ауледа заключалось не в домах, а в саде, который был так плодороден, что росшие в нем финики были втрое крупнее обыкновенных. Поэтому всякий, кто проходил мимо, покупал финики у Ауледа, а не у Гассана.

В это время в город пришел дервиш, который обладал большою мудростью, но которому нечего было есть. По крайней мере ему приходилось свои познания обменивать на еду, и мы увидим, какую пользу извлек из этой мены Гассан.

— Дай мне поесть, — повелел ему дервиш, — тогда я сделаю для тебя то, чего не в состоянии сделать ни один калиф. Я устрою так, что народ будет покупать финики у тебя, ибо я сделаю их более крупными, чем финики у Ауледа. Как велики они у Ауледа?

— Увы, о дервиш, посланный мне аллахом, целую твои ноги! Финики Ауледа — да пошлет ему аллах судороги! — втрое крупнее обыкновенных фиников. Вступи на мою циновку, сядь, скрестив ноги, будь благословен и научи, что мне сделать, чтобы мои финики были крупнее и чтобы народ покупал их у меня.

Гассан мог бы спросить, почему дервиш, одаренный такою силой, нуждается в пище. Но Гассан не был

насмешником. Он поставил перед гостем вареную кожу — все, что у него оставалось от украденного козленка.

Дервиш поел и, насытившись, сказал:

— Финики твоего соседа вдвое крупнее обычных... как же должны быть велики твои финики, о Гассан, сын неведомого мне отца?

Гассан подумал с минуту и сказал:

— Да пошлет тебе аллах детей и скота! Я хотел бы, чтобы мои финики были вдвое крупнее тех, в какие ты мог бы их превратить.

— Хорошо, — сказал дервиш. — Взгляни на эту птицу, привезенную мной с далекого Востока. Скажи ей, что каждый из твоих фиников равняется трем твоим финикам.

— Да наградит тебя аллах женами и верблюдами, о дервиш, но разве она мне поможет, если я скажу птице то, чего нет?

— Делай, как тебе говорят, — ответил мудрец. — На то я и дервиш, чтобы ты меня не понимал.

Гассан пожелал птице, чтобы у нее выросли длиннейшие перья, и назвал ее птицею Рок. Но то не была гигантская птица Рок¹ восточной мифологии. То была маленькая птичка, похожая на ворону, с болтливым языком и подпрыгивающей походкой. Дервиш вывез ее с острова, куда она была завезена купцами, приехавшими морем из страны, где люди похожи на негров, хотя это и далеко от Африки. Гассан называл ее птицей Рок, так как знал, что всякий, от кого чего-нибудь ждут, становится важным. И наоборот, когда кому что-либо нужно от другого, то он съеживается и унижается. Таков был обычай в Дамаске.

— Я твой раб, о птица Рок! Отец мой был собака... а каждый из моих фиников по величине равняется трем моим финикам! — униженно проговорил Гассан.

— Хорошо, — сказал дервиш. — Продолжай так и чти аллаха!

Гассан так и сделал. Он боялся аллаха и твердил птице о том, что его финики непомерно крупны.

Добродетель вскоре была вознаграждена. Не успел еще калиф в третий раз повелеть лишить жизни всех

¹ Рок — сказочная птица огромных размеров (упоминается в сказках «Тысяча и одна ночь»).

обитательниц своего гарема... не успела еще ни одна мать снарядить как следует свою дочь на рынок в Константинополь... не успел еще Гассан поймать ни одного заблудившегося козленка, как вдруг птица сказала:

— Мой отец — собака.

Этого не нужно было говорить, но она повторила слова Гассана...

— Отец мой — собака... да вырастут у тебя длиннейшие перья... финики Гассана-сына...

Не знаю, как звали отца Гассана, да дело и не в этом.
...финики Гассана втрое крупнее, чем они есть!

Были в Дамаске люди, возражавшие против этого. Но они возражали недолго. В голосе птицы было нечто, колебавшее воздух особенным образом и влиявшее на преломление лучей. Финики росли, росли... в глазах публики!

А птица продолжала твердить:

...финики Гассана втрое крупнее, чем они есть!

И они росли! Люди чуть не давили друг друга, чтобы поесть этих фиников.

Аулед совсем исхудал. Гассан купил много козлов и козлят и построил крышу над своей циновкой. Он стал очень честен и считал позором, когда кто-нибудь, не имея собственных козлят, съедал его козленка. Он продолжал по-прежнему бояться и чтить аллаха.

Своим благочестием и богатством он обязан был маленькой птичке, твердившей беспрестанно одно и то же и превращавшей, благодаря частому повторению, ложь в правду. Все находили финики Гассана крупными, все спешили их покупать, все...

За исключением самого Гассана, он втихомолку запасался ими у Ауледа, у которого был теперь единственным покупателем.

Так все это осталось и по сей день.

1861 год (Из цикла «Любовные письма»).

ИЗ СКАЗОК ВАУТЕРА

В прачечной

— Разве, Ваутер, ты не читаешь дома божественных книг? — спросила Фемкэ своего юного друга, когда он снова сидел у нее на опрокинутой корзине для белья.

— Читаю, но они неинтересны.

— Не знаешь ли ты чего-нибудь наизусть?

Ваутер произнес стих из протестантской духовной песни, который, однако, не удовлетворил Фемкэ, хотя она и нашла, что он прочел его очень хорошо.

— А другого ты ничего не читаешь?

Ваутер подумал. Он пробежал мысленно библиотеку Штоффеля: «Творения кружка любителей поэзии»... «Землеведение» Иппеля... «Трактат о правописании»... «Устав пожарной стражи»... «История Иосифа» Гюльсгоффа... «Добрый Генрих»... «Отец Иаков среди детей»... «Проповеди пастора Геллендоорна»... «Катехизис» его же... «Песенник Гоорна»...

Он чувствовал, что из всего этого ничто не может понравиться Фемкэ. Наконец он сказал:

— Я знаю одну книжку, но она не божественная... в ней говорится о Глориозо...

Фемкэ обещала внимательно слушать, и Ваутер начал рассказывать. Сначала он говорил нескладно, с постоянным повторением «и тогда», без которого так трудно обойтись, но вскоре увлекся и стал рассказывать лучше, чем было написано в старой, растрепанной книжке, которую он прочел. Всякий раз, когда речь шла о каком-ни-

будь разбойничьем нападении или похищении, о каком-нибудь геройском подвиге, он вскакивал с корзины и в лицах изображал деяния своих героев, так что Фемкэ становилось страшно. Тем не менее она наслаждалась, и когда он, наконец, замолчал, искра его своеобразно направленного, но неподдельного вдохновения запала ей в сердце, и оно билось так же сильно, как и у Ваутера, от упоения всем только что слышанным. У обоих пылали щеки, и, право, если бы поблизости находилось судно, готовое к отплытию в Италию, Фемкэ сейчас же отправилась бы туда, чтобы тоже испытать все эти опасности, приключения и... любовные похождения. В особенности же ей понравилось то, что из рассказа Ваутера явствовало, как тверд в своей вере такой итальянский разбойник.

— Не знаешь ли ты еще чего-нибудь?

— Да, — сказал Ваутер, который почувствовал себя уже в своей стихии. — Я знаю еще... это было в маленькой книжке, кажется в альманахе.

И он начал рассказывать:

— В одной большой стране, Фемкэ, был когда-то король, который назывался Инка. Все цари этой страны назывались Инки...

— Как у нас — Оранские?

— Да, как у нас Оранские. Но там, в Перу, — эта страна называлась Перу, — короли пришли откуда-то с солнца, и когда они умирали, то уходили обратно на солнце. И они должны были жениться на девушке, которая происходила от солнца. Таков был закон в Перу...

— Разве это в самом деле было, Ваутер?

— Так написано в книге, Фемкэ. Ну так вот, там был король, у которого было трое детей: одна дочь и два сына. Сыновей звали Теласко и Куско; имя девушки я забыл.

— Пусть ее зовут Мария.

— Это, кажется, не перуанское имя. Нет, лучше Луиза или... Эмма. Или, хочешь, я буду называть ее Фемкэ?

— О нет, лучше называй Эмма, а то я не буду знать, о ком ты говоришь: обо мне или об этой принцессе...

— Хорошо, пусть будет Эмма. Эмма была единственной дочерью солнца во всем Перу. И никто не знал, кто после смерти царя делается Инкой, так как Теласко и Куско родились в одно время.

— Что, это часто случается?

— Ну, конечно. Это значит близнецы. У одной моей родственницы была даже тройня... Тут нет ничего необыкновенного.

— Итак, Теласко и Куско были близнецы, и король не знал, кто из них должен ему наследовать. Он одинаково любил обоих, а народ перуанский также охотно признал бы обоих королями. Но этого нельзя было сделать, так как в законе было сказано, что всегда должен быть один Инка. Тогда король созвал всех жрецов на высокую гору, чтобы быть ближе к солнцу... потому что солнце должно было решить, кто будет королем.

— Но, Ваутер, не может быть, чтобы это была правда.

— Так написано в книге, Фемкэ. И к тому же... это было очень, очень давно. Перу, знаешь ли, очень древняя страна. По приказанию короля жрецы сложили два огромных костра и положили на них много больших венков из цветов. Но они не зажгли дрова — это должно было сделать солнце.

— Это совсем нетрудно — зажигательным стеклом.

— Нет, без всякого зажигательного стекла, у перуанцев не было зажигательных стекол. И вообще они все это делали именно для того, чтобы узнать волю солнца. Венки на одном костре были сложены так, что составляли букву «Т»; это значило — Теласко. На другом костре было написано «К»... то есть сделано из цветов. Это «К» означало Куско. И вот король опустился на колени, и все жрецы также, и они запели молитву солнцу...

— Это очень дурно, Ваутер. Только перед святыми можно становиться на колени. И молиться никому другому тоже нельзя... Это идолопоклонство.

— Да, конечно, в книге так и сказано, что в Перу жили идолопоклонники. Но, видишь ли, Фемкэ, ты должна на это так смотреть: это было очень давно... и это был другой народ... совсем другой народ, пойми это. Да вот тебе, например... во Франции... там отца называют рёге, так что, видишь, у всякого народа свои обычаи.

Фемкэ кивнула головой, как бы соглашаясь.

— Итак, они пели молитву солнцу. Теласко, Куско и Эмма также пели, потому что им еще интереснее было узнать волю солнца, чем другим, ты ведь понимаешь. Дело в том, что если бы первым загорелся костер Куско, то он сделался бы королем, а Теласко остался бы просто принцем. А если бы сначала вспыхнул костер Теласко, то

королем был бы он, а не Куско. Для Эммы тоже важно было знать... так как она должна была выйти замуж за нового Инку. И ей очень хотелось знать, кто это будет...

— Как? Ведь они ее братья!

— Ну да. Но иначе нельзя было сделать, так как она одна была дочерью солнца. Не забывай, что они жили в Перу и что там все было иначе, чем у нас...

— Да, это правда, — сказала Фемкэ, которая боялась, чтобы слишком большое недоверие не отбило у Ваутера охоту продолжать рассказ. — Это будет, как с графиней и с Глорियो. У нас ничего такого не случается. Это возможно только в далеких странах.

— Да... или в очень древнее время. Но после долгого моления солнцу не зажгло ни одного из костров...

— Неужто! — сказала девочка с изумлением, так как после всего необыкновенного, что она уже слышала, она приготовилась услышать что-нибудь еще более удивительное.

— Да, солнцу не зажгло ни одного из костров, но объявило Инке и всему перуанскому народу, что Эмма сама должна сделать выбор между Теласко и Куско. Кого она больше любит, тот и будет королем.

— Теперь дело сразу решится, — подумала Фемкэ и сказала это вслух.

— Как раз наоборот. Эмма не хотела выбирать. Солнце ей дало месяц срока на размышление. Она думала, думала, но не могла прийти ни к какому решению. Если даже на мгновение ей казалось, что она знает, кто в глубине души ей дороже, то не хотела этого сказать, потому что слишком любила другого, чтобы огорчить его. Она знала, что оба любят ее и что предпочесть одного — значило нанести смертельный удар другому. Она спросила совета у Теласко. Он посоветовал ей выбрать Куско...

— Как? — снова воскликнула Фемкэ, и ее восклицание звучало вопросом. Она думала, что ослышалась.

— Да ведь это было в Перу... и много лет тому назад. Тогда Эмма стала умолять Куско научить ее, что ей делать. Куско утверждал, что Теласко сделает ее счастливой и что она должна выбрать его. Кроме того, он находил, что Теласко более достоин быть Инкой, чем он.

Так Эмма и не дождалась от братьев утешения. Не могли ей помочь и жрецы; не мог помочь и сам король.

Он ни за что не хотел дать ей совет, так как на все это была воля солнца, и он не должен был вмешиваться. Эмма была безутешна. Она знала, как ее любит Куско. Вечером в лесу она слышала, как он пел песню, в которой говорилось, что без нее он не может жить. Она бросилась к нему на шею, села возле него на дерновую скамейку и сказала: «Милый Куско...» Она положила голову ему на плечо и горько заплакала, — так сильно она его любила. Там есть такая картинка, Фемкэ.

— Не можешь ли ты когда-нибудь принести книжку? — спросила девочка. Ей так хотелось увидеть эту картинку.

— Ах, нет, это книга Штоффеля, а он мне сказал, чтобы я ничего не брал из его шкафа. Это, видишь ли, его библиотека, так как он школьный учитель. Итак, она плакала от любви. И Куско также... Может ли это быть?

— Наверное, нет!

— А в книге так сказано. Но слушай дальше. В то время как они так сидели, подошел Теласко. Он подслушивал их — только одну минуту — и внезапно появился перед ними. Он преклонил колено перед Куско и сказал: «Слава тебе, Инка Перу, дочь солнца избрала тебя!» И он склонил перед ним голову до земли и хотел взять его ногу и поставить себе на спину: так выражали в Перу подчинение. Но Эмма и Куско поспешно встали и оба сразу закричали, что Теласко ошибся. «Она тебя любит, брат, — сказал Куско, — и о тебе думает она, тебя видит во сне, тебя любит она, о Теласко! Ты царь в ее сердце, и, следовательно, ты должен быть Инкой Перу!»

Теласко затрепетал. Он слишком любил Куско и потому не мог желать, чтобы это была правда. С сомнением смотрел он на Эмму, и тут наступила для него самая трудная минута, так как теперь она бросилась ему на шею; горячо целовала его и заставила сесть рядом с собою на дерновую скамейку. Но между тем как она одной рукой обнимала Теласко, другой она привлекала к себе Куско... и так сидела она между обоими братьями. Целуя Теласко, она в то же время вздыхала: «Милый Куско!», а лаская Куско, шептала имя Теласко... Ах, Фемкэ, так трудно было решить!

— Да, — вздохнула Фемкэ, — это был трудный случай.

— Когда Теласко казалось, что она выказывает больше сердечности Куско, он говорил: «Ты должна выбрать, Эмма!» — в надежде, что счастливым избранником будет Куско. Но он не смел настаивать на решении, когда чувствовал, как ему казалось, что она выберет его. Свое собственное горе он мог бы перенести, но мысль об отчаянии брата страшила его.

Куско же восклицал: «Выбирай, Эмма!» — всякий раз, когда она обращалась в сторону Теласко, но молчал, когда ее голова покоилась на его собственном плече. Он не боялся смерти, так как решил умереть, если ему не суждено жить с Эммой, но его беспокоило горе Теласко, если он должен будет изгнать из своего сердца образ Эммы. Можешь ли ты все это понять, Фемкэ? Я не знаю, хорошо ли я рассказываю, но так написано в книге...

— Да, я отлично понимаю, — ответила Фемкэ. — Они были близнецы, видишь ли, оттого все это и происходило.

Ваутеру доставило огромную радость то, что Фемкэ понимала борьбу, происходившую в сердце Эммы, и благородство души обоих братьев. Если бы ему пришлось это растолковывать ей, он упал бы духом. Но заинтересованность Фемкэ подогривала в нем его пристрастие к перуанской легенде, и она казалась ему еще прекраснее прежнего. Это удвоило его красноречие. Теперь для него было вопросом чести оправдать доброе мнение Фемкэ, и, невольно перейдя от спокойного тона рассказчика к драматическому изображению, он стал говорить от лица своих героев.

— В словах Теласко звучала нежность.

«Решай, дочь солнца! Тебя любит Куско, брат мой, благородный Куско. Найдется ли в горах серна проворнее его? Найдется ли среди охотников более меткий стрелок? Найдется ли еще среди перуанских храбрецов человек, более ловкий, более надежный и отважный, чем он?»

Решай, дочь солнца! Тебя любит Куско брат мой, благородный Куско. Знай, я застал его спящим и слышал, как он во сне произносил твое имя. Он простирали руки, как бы желая обнять тебя и крепко прижать к своему сердцу, и губы его шевелились, как бы в поцелуе. Прими решение, дочь солнца, и избери благородного Куско!»

«Не делай этого, — говорил в свою очередь Куско. — Я также подстерег Теласко, который может стать Инкой,

и видел, как он писал замысловатым узором твое имя на своем поясе, о дочь солнца; и громко возглашал он это имя в борьбе с врагами Перу. При этом крике они обращались в бегство, как будто само охраняющее солнце спускалось на землю, чтобы истребить противников своих детей. Избери Теласко, храброго Теласко... о дочь света!»

«Куско явился мне на помощь в битве. Без него я был бы убит. Он остался победителем на всех играх нашей молодежи. Он боролся, сражался и побеждал твоим именем...»

«Теласко уступил мне победу; он подавил в себе честолюбие, ради тебя...»

«Куско воспел тебя в чудных стихах...»

«Теласко положил их на божественную мелодию...»

«Подумай, что Куско умрет, если ты не будешь любить его больше всех на свете, — его одного...»

«Думаешь ли ты, что Теласко останется жить без твоей любви?»

Тогда девушка сказала:

«Я люблю тебя, Теласко, и люблю тебя, Куско. Я не могу выбирать между вами, это так же верно, как верно то, что я дочь света! Моя рука дрожит, когда ты ко мне прикасаешься, о Куско, но она так же сильно трепещет, о Теласко, когда ощущает пожатие твоей руки. Мое сердце содрогается при мысли об опасностях войны, когда я знаю, что вы оба стоите в первых рядах сынов солнца, и я не могла бы решить, как направить стрелу, которая должна была бы поразить *одного* из вас... если бы мне суждено было указать направление.

Когда я слышу твое пение, о Куско, я чувствую все страдание и блаженство любви, которая кажется мне беспредельной; и все же в моем сердце находится место для другой всепоглощающей любви, когда я жадно ловлю божественные звуки твоей музыки, Теласко, сопровождающей слова Куско. Моя душа живет тем наслаждением, которое ей доставляет существование вас обоих. Ваши имена слышатся мне в ворковании горлицы в лесной чаще и в бушевании ветра. Я как будто читаю их в извилинах волн на поверхности моря. О них мне напоминает игра красок на лепестках цветов, огненные буквы на самом солнце, чистом и ясном источнике нашего бытия. И когда я преклоняю колена рядом с Инкой, чтобы

вместе со всеми детьми Перу — молить бога ниспослать благословение нашей стране, вся моя молитва заключается в одном желанном имени — в твоём имени, Теласко. Когда же народ возносит благодарность источнику света за благословение, ниспосланное им светлой стране Перу, то я, дочь королей, благодарю одним этим словом: «Куско»!

Поэтому, благородные братья, избавьте меня от выбора; я не могу... я не могу выбирать между вами!»

Так говорила дочь солнца.

Но Теласко ответил:

«Солнце объявило свою волю; оно сказала, что ты должна выбрать, Азталяпа...»

— Как? Ведь её звали Эмма!

— Нет, Азталяпа! — вскричал Ваутер, которому вдохновение озарило память. — Азталяпа звали её!

Теласко сказал:

«Солнце объявило, что ты должна выбрать одного из нас. Неужели ты хочешь ослушаться повеления солнца?»

«Пусть я лучше умру, Теласко!»

«Нет, я, я!...» — вскричали разом оба брата.

«Решите вы сами, кого из вас я должна выбрать... и я покорюсь вашему решению».

«Выбери Теласко!» — вскричал Куско.

«Выбери Куско!» — вскричал Теласко.

Но девушка не могла повиноваться обоим требованиям и в то же время не смела нарушить ни одного из них.

Теласко задумался.

«Я знаю, знаю! — вскричал он. — Слушай, Азталяпа, и ты, Куско, выслушайте мое предложение. Сам бог внушил мне его! Не голубого ли цвета перья на твоих стрелах, брат мой? Не красного ли цвета на моих? Слушай же! Завтра перед восходом солнца мы выйдем вместе на охоту. Мы станем в кустах... Ты — пройди сто шагов дальше дерева, на коре которого мы оба вырезали имя Азталяпы... Я — в ста шагах от него по эту сторону. Оттуда нам будет видно возвышенное место, куда бежит дичь, когда её выгоняют загонщики. Мы оба будем целиться в первую лань, которая покажется из лесу. Если она будет убита стрелой с красными перьями, пусть Азталяпа изберет меня. Если же твоя стрела, Куско, сразит дичь... если на убитой лани будет твой цвет...»

Тут оба брата закрыли себе лицо руками, словно боясь увидеть что-то, предвещающее исход грозного состязания, предложенного Теласко.

«Я принимаю, — воскликнул вдруг Куско, — да, Теласко, я принимаю твое предложение. Поистине этот луч света, озаривший твое сердце, ниспослан тебе богами. Я соглашаюсь, я соглашаюсь... Пусть она изберет меня, если стрела будет голубого цвета, и тебя, если красного! О, дай согласие, Азтальпа, и обещай свято, что ты подчинишься исходу состязания, которое предлагает Теласко!»

«Поклянись нам в этом священной клятвой, Азтальпа!» — умолял и другой брат.

И девушка поклялась и воззвала при этом к священному солнцу, прося его направить ее сердце по цвету перьев той стрелы, которая завтра утром сразит первую выбежавшую из лесу лань.

На следующий день Теласко при первых лучах солнца еще издали услышал, как загонщики гнали из лесу дичь, подымая громкий крик и стуча в барабаны и тарелки. Прямо перед ним был небольшой холм, куда дичь, напуганная зловещим шумом, обыкновенно выбегала из лесной чащи, спасаясь от опасности. Никогда в другое время Теласко так не охотился: добыча доставалась при этом слишком легко, и такой способ охоты казался ему предательством. Впрочем, и теперь он, собственно, не охотился: колчан его лежал на земле, и рукой, которая должна была натягивать лук, он подпирал склоненную голову.

Наконец он все-таки медленно вынул украшенную красными перьями стрелу и левой рукой вяло взялся за лук, чтобы быть готовым выстрелить мимо, когда покажется первая лань. «Может быть, Куско тщательно сосчитал мои стрелы, когда мы ночью вместе отправлялись в путь», — подумал он и позаботился о том, чтобы у него в колчане было одной стрелой меньше.

Шум приближался. Сейчас, быть может...

Вот вылетел олень с ветвистыми рогами... дикие буйволы, кабаны... грациозные газели... еще олени, еще буйволы... снова кабаны... О боже, лань, лань... вот она! Испуганное животное стояло, тяжело дыша, на холме, открытое метким выстрелом обоих охотников... впрочем,

пет, на этот раз защищенное великодушием Теласко и Куско.

Теласко выстрелил в воздух; сначала он следил глазами за полетом своей стрелы, потом закрыл их, подавленный сознанием того, что эта стрела вонзается в его собственное сердце.

Но и Куско не убил лань. Он зарыл свою стрелу и прикрыл ее сверху землею, и ему казалось при этом, что он хоронит самого себя.

И оба брата с изумлением смотрели на лань, которая, невредимая, помчалась дальше.

«Ты обманул меня, Теласко, ты не стрелял!» — вскричал, подбегая, раздраженный Куско.

«Нет, я стрелял, брат. Но ты — ты обманул меня. Ты нарочно промахнулся!» — ответил Теласко, спешивший ему навстречу.

«Клянусь, что я этого не делал, Теласко».

Огорченные вернулись братья домой и рассказали Азталыпе о том, что произошло, и оба жаловались, что были обмануты.

На этот раз светлая мысль осенила Куско. Он сказал:

«Завтра на рассвете пойдем снова в лес и спрячемся опять в зарослях, Теласко. И снова пусть загонщики гонят дичь по направлению к холму. И снова пусть цвет стрелы, которая сразит первую лань, решит выбор Азталыны, но... Теласко, поклянись мне, что ты будешь на этот раз стрелять!»

«Я буду стрелять! А ты дай мне слово, что попадешь в цель».

«Я обещаю попасть!»

«Ты постарайся стрелять так метко, как только может стрелять охотник? Стрелять с намерением попасть и убить? Убить в самом деле первую лань? Правда ли? Сделаешь ли ты это?»

«Да, да, я обещаю тебе все это. А ты, Теласко?»

«И я клянусь тебе сделать то же, Куско!»

На следующий день братья снова, как накануне, стояли в засаде. Но теперь это были в самом деле охотники, жадно подстерегавшие дичь. Лево́й рукой они крепко обхватили лук из змеиного дерева; большим и указательным пальцем правой руки держали стрелу, прижав ее к полунатянутой тетиве; глаз был устремлен вверх вытянутого большого пальца, вдоль острия стрелы,-

прямо на опушку леса. На этот раз смерть поразит лань далеко от вершины холма. Вот из чащи, тяжело дыша, выскочил бизон... за ним кабаны... олени... буйволы... лань...

Бедное животное упало, сраженное насмерть...

«Приветствую тебя, Инка Перу!» — так одновременно закричали друг другу Теласко и Куско, поспешно выходя из зарослей.

«Ты победил, Куско, это была твоя стрела!»

«Твоя, Теласко! Это не могла быть моя... Моя рука дрожала, когда я стрелял».

«Мои глаза застлал туман, когда я целился!»

«Слава тебе, Инка Перу, Теласко, любимый Азтаल्पой!»

«Слава тебе, Инка Перу, Куско, любимец солнца!»

«Ты, брат!»

«Ты!»

«Уверю тебя, что моя стрела...»

«Но это не могла быть моя...»

«Идем на холм!» — вскричали сразу оба брата и вместе поспешили туда, где упала лань.

«Я вижу твой цвет», — вскричал Куско еще на некотором расстоянии.

«Это невозможно, брат... Перья на стреле... голубого цвета! Иначе не может быть, так как...»

«Они должны быть красного цвета, потому что...»

Две стрелы вонзились в сердце лани. Оба брата попали, только каждый стрелял чужой стрелой.

Дело в том, что ночью Куско осторожно, как злоумышленник, прокрался в жилище Теласко и похитил из его колчана красную стрелу. Ему было нетрудно сделать это, так как ложе Теласко оказалось пустым и никто не охранял оружие, которым его хозяин не желал побеждать.

Где же был беспечный Теласко в то время, как Куско похищал у него стрелу? Теласко тайком проник в это время в жилище своего брата, чтобы взять из его колчана стрелу с голубыми перьями, которая должна была сделать Куско избранником Азтаल्पы и королем Перу. Понимаешь ли ты это, Фемкэ?

— Да... но...

— Ты помни все время, что это было далеко отсюда и очень давно. Слушай дальше. Оба брата были очень

огорчены, и Азтальпа также. Она не знала, что ей делать, и молилась солнцу. То же делали Куско и Теласко. Но солнце вечно отвечало одно и то же: что Азтальпа должна сама выбрать...

— Разве солнце отвечало всякий раз, когда у него спрашивали совета?

— Оно всегда отвечало. Так сказано в книге... Ведь это было далеко отсюда... Итак, Азтальпа должна была все-таки выбрать. Против этого ничего, ничего нельзя было поделаться. А она ни за что не соглашалась и все только повторяла, что лучше ей умереть.

Тогда новая мысль осенила Теласко, и он сказал:

«Благородная дочь солнца, да будет тебе по желанию твоему! Ты не хочешь выбрать одного из нас... в таком случае ты должна умереть!..»

— О боже! — вскричала Фемкэ.

— Подожди, Фемкэ, слушай внимательно. Теласко не то имел в виду, ты увидишь дальше. Он сказал ей, что она должна умереть, и так как он понимал, что она не поверит, чтобы он это говорил серьезно, то он объяснил ей, почему так должно быть.

«Ты должна умереть, Азтальпа, — сказал он, — так как из-за тебя может начаться раздор в нашей стране. Всякий, кто любит Куско, желает, чтобы ты сделала меня своим избранником, так как все знают, как будет огорчен добрый Куско, если ты отвергнешь меня. А все, кто любит меня, хотят, чтобы ты отдала руку Куско, так как понимают, как больно мне было бы наслаждаться счастьем в то время, как он будет предаваться отчаянию. Ты должна умереть, Азтальпа! Пусть твоя сердечная склонность к нам обоим не вызовет раздора. А после твоей смерти, когда ты вознесешься к источнику твоей жизни, не будет никакого различия в жертвенном фимиаме, который наша любовь будет посылать тебе, и народ Перу будет единодушно воспевать тебя в своих песнях. Созвучно будут подниматься к тебе наши молитвы, и в наших хвалебных песнях ты не заметишь ни малейшего разногласия. И там, там... Там, наверху, ты будешь для нас обоих такой же близкой, Азтальпа! Оттуда ты будешь одарять нас обоих в равной мере бесконечным богатством твоего покровительства. И тогда, в то время как ты будешь отвечать Куско шелестом пальм, я не напрасно буду прислушиваться к твоему голосу в музыке

моря. И мне и ему будешь ты являться во сне... и моя рука не будет бессильно опускаться при мысли об одиночестве Куско, а он в свою очередь не будет угнетен сознанием, что его счастье разрывает мне сердце. Такая любовь, как твоя, Азтальпа, всемогуща.

Прояви свое могущество — ты можешь, захочешь и должна это сделать. Такова воля солнца, которое повелевает тебе избрать не Куско и не меня, а смерть и превращение в бесплотного духа, ибо человеческое сердце неспособно вместить в себе такую великую любовь.

Итак, умри, Азтальпа, умри и возлети к солнцу. В твоём сердце нет места нам обоим, но нам будет место на твоей могиле, когда ты вознесёшься на небо».

Так говорил Теласко.

Куско молчал.

Азтальпа же сказала:

«Братья, я готова».

Вскоре после этого король и жрецы собрались в лесу на горе, на которой обыкновенно приносили жертвы солнцу. И целая толпа народа пришла туда, чтобы видеть дым, который вознесет Азтальпу на небо. После заклятия ее должны были сжечь на костре.

— Ты знаешь, Фемкэ, дым всегда идет кверху. Это, верно, для того, чтобы возноситься, не правда ли?

— Да, — ответила девочка с такой убежденностью, словно она была сама Велледа¹. Ах, она забыла и молитвенник и всех своих святых. — Боже мой, Ваутер, как это печально! Неужели Азтальпа в самом деле должна была умереть? Это было жестоко со стороны Теласко...

— Как бы ты поступила, Фемкэ?

— Я бы... я бы... я, право, не знаю, Ваутер.

— Вот видишь, нелегко было придумать. Итак, Азтальпа стояла между обоими братьями. Она была вся в белом, и белое покрывало спускалось на ее лицо. Народ пел печальную песню. Все стали на колени. Азтальпа обняла отца, сделала рукою прощальный жест толпе и воскликнула:

«Я готова. Проводите меня, братья!»

Она протянула руки обоим и смело поднялась на костер. Куско шел согнувшись и нетвердыми шагами.

¹ Велледа — жрица и прорицательница батавов (предков голландцев).

Теласко казался мужественнее. О Фемкэ, он знал, что Азталяпа не умрет...

Глубокий вздох облегчения вырвался из груди Фемкэ. Она сидела с открытым ртом, не сводя глаз с Ваутера, как будто хотела всеми силами души отсрочить печальную развязку.

— Да, она не должна была умереть, и мне кажется, что Теласко знал это. Он вынул между тем освященный кинжал, попросил прощения у Азталяпы... Куско стоял, закрыв лицо руками... Азталяпа сложила руки на груди... наклонила голову...

Вдруг она упала на колени перед Теласко:

«Брат... одно мгновение! Одна просьба: пусть я приму смерть от руки Куско!»

Теласко бросил кинжал и воскликнул:

«Хвала солнцу, выбор сделан! Перуанский народ, вот твой Инка! Прощай, Азталяпа!»

Все перуанцы склонили головы перед Куско. Когда же Куско стал искать брата, оказалось, что Теласко исчез. С тех пор никто его не видел.

— Разве это не чудесный рассказ, Фемкэ?

— Слушай, Ваутер, если бы девушка знала, как Теласко истолкует ее просьбу, она бы ее не высказала. Но история очень интересная. Как бы я хотела знать, может ли это случиться в самом деле!

— Это случилось далеко, далеко отсюда и очень, очень давно, Фемкэ. По крайней мере так сказано в книге. Однако теперь мне пора домой, так как у меня нет ни гроша, чтобы заплатить привратнику, если я приду после восьми часов. Ах, Фемкэ, как бы я хотел, чтобы мои стихи были уже готовы...

— Ничего, ты их напишешь. Думай о Теласко: ему также надо было исполнить трудное дело.

— Нет, я буду думать о девушке. Спокойной ночи, Фемкэ...

Ваутер получил такой сердечный поцелуй, какой заслужил своим рассказом, и, мечтая об Азталяпе, он вышел через боковые ворота и побрел домой. Луна ярко светила, и ему было досадно, что он не мог остаться у Фемкэ подольше. Он уверял себя, что при лунном свете он рассказывал бы еще лучше, но что было делать— у него не было ни гроша.

1864 год (Из цикла «Идеи»)

СУД СОЛОМОНА

Мне не было еще полных двадцати трех лет, когда я состоял командором провинции Наталь¹. Официальное голландское наименование этого поста — *гражданский начальник*; но вообще, в особенности при туземцах, такого чиновника «со времен англичан» именуют *коммодором*.

Обязанности такого начальника — самые приятные, и впоследствии я не раз жалел, что потерял пост, который я (по неопытности) недостаточно оценил, когда впервые занял его.

Кто не испытал страданий или страдал мало, тот всегда глуп. Разумеется, я говорю не о «мировой скорби» и не о тех слезах, которые проливают, ради своего собственного удовольствия, герои романов Фейта². Я говорю о серьезных неурядицах в жизни. Но, невзирая на все неурядицы, такой начальник, или «фэтор», как его по-арабски называют малайцы побережья Суматры, находится в весьма благоприятном положении. Когда занимаешь подобную должность, то являешься здесь не только самым первым среди других, но представляешь собой *все*, — даже цезарь удовлетворился бы таким положением. Правда, высота, на которую вознесен такой начальник, обусловливается в известной степени окружающей его пустотой, ибо зачастую он, если не считать военного коменданта, является единственным европейцем в этом пункте и даже во всей провинции. Но кто прибыл в Ост-Индию

¹ *Наталь* — провинция на западном побережье о. Суматра.

² *Рейнвис Фейт* (1753—1824) — популярный голландский писатель, представитель сентиментализма в голландской литературе.

молодым и пожил там достаточно, чтобы освоиться, тот, обращаясь с туземцами, чувствует себя вполне на своем месте.

В отшельническом одиночестве у человека белой расы вырабатывается в некотором роде великодержавное отношение к местному населению, которое со своей стороны совершенно серьезно воспринимает величие такого начальника, — обычно даже гораздо серьезнее, чем он сам. Наиболее почтенные местные старейшины относятся к нему чуть ли не с детским обожанием, и седые старики называют его «отцом». Не думайте, однако, — это было бы ошибочным европейским заключением, — что эти отношения упорядочены какими-либо статьями закона. Туземному населению незнакомы и непонятны наши тонкости и различия в степенях власти. Тот, кто поставлен во главе, на все распространяет свою власть, почти безграничную. Иногда при подобных обстоятельствах стирается разница между официальными и частными интересами. Местный старейшина приходит с одинаковым смирением просить господина фэтора дать согласие и на свадьбу своей дочери и на посадку новых плантаций перца. Такие сердечные патриархальные отношения встречаются на Суматре и в некоторых других заморских владениях гораздо чаще, чем на Яве. Однако среди яванцев, вообще гораздо более покорных, не наблюдается того благожелательного отношения, какое видишь со стороны всех малайцев, преданность которых очень ценна именно потому, что носит ярко выраженный характер. А с другой стороны... на Яве в течение нескольких веков перебивало слишком много европейцев, большинство из них здесь обогатились, и не удивительно, что население испытывает перед ними страх.

Поэтому вполне понятно, что в менее развращенных европейцами и удаленных от океана местностях или на незначительных отдаленных постах на Суматре человек, облеченный властью, может сделать много добра. Я еще и теперь сожалею иногда, что в те времена не сумел более широко воспользоваться своими возможностями. Но я был тогда молод, слишком молод.

«Столица» провинции, служившая командору резиденцией, лежала у моря. Но суда редко показывались на рейде, ибо он пользовался у моряков дурной славой. Они приходили из Паданга и Бенкулена, с юга, и из Ачина,

с севера, — и это почти все. Порою — очень редко — приходили корабли из Макассара или еще более отдаленных мест. Привозили главным образом полотняные ткани, гончарные изделия и разные безделушки, и все это торговцы выменивали на золотой песок и камфару.

Я вспоминаю о таком своеобразном предмете торговли, как, например, женские брюки, которые изготовляют в Ачине; их нигде, кроме этих мест, не носят на всем архипелаге. По крайней мере я не видел их на Яве. Да и на Молуккских островах тоже.

По прибытии корабля шкипер или *суперкарга*¹ обязан был предъявить *коносаменты*² гражданскому начальнику, который одновременно являлся начальником порта и сборщиком налогов и пошлин. Обычно шкипер наносил ему визит вежливости, причем подносил и кое-какие дары, что вполне согласуется с восточными нравами и на что не всегда смотрят косо. Это считается просто актом вежливости. Действительно, честный чиновник всегда отказывается от подношений, когда высокая цена подарка заставляет думать о попытке добиться незаконных льгот.

Такие попытки действительно были нередки в Натале, и я поручил штурману портовой шлюпки предупредить всех *анаход*³, что командор не принимает никаких подарков.

В один прекрасный день я сидел с военным комендантом на верхней передней галерее моего жилища, когда почтенный араб с немногочисленной «свитой» — свита в Ост-Индии так же обязательна, как одевание, — вошел в ограду. Один из полицейских стражей, стоявших внизу на часах, доложил о прибытии анаходы шейха шарифа Алгабаши, капитана корабля, только что прибывшего на рейд. Араб поднялся наверх, отвесил свой *сламат*⁴ и протянул мне судовые документы. Я просмотрел бумаги, сказал ему, сколько он должен внести пошлины, и спросил о цене *прямедани*...

¹ *Суперкарга* (португальск.) — на торговом корабле заведует выгрузкой и продажей товаров.

² *Консамент* — накладная в морской торговле.

³ *Анахода* — капитан корабля, который обычно является и со-владельцем груза. Слово арабское. (Прим. автора.)

⁴ *Сламат* — приветствие у малайцев, соответствует арабскому «салам» или «ссялам», (Прим. автора.)

Не знаю, правильно ли я написал это слово. Вероятно, оно арабское, и я пишу его так, как оно мне запомнилось на слух...

Тридцать лет! И после описываемого случая я никогда больше не встречал ни этого предмета, ни обозначающего его слова.

Пусть знаток определит, правильно ли я назвал и описал этот ковер. Так вот, прамедани — это коврик из шерсти особого сорта, называемого нами смирнским, но значительно грубее. Такой коврик употребляется мусульманами во время утренних и вечерних молитв. Он служит им также при ритуальных омовениях на берегу реки. Так же как и четки, он составляет часть ритуальных принадлежностей правоверного, и очень часто его кладут в могилу вместе с покойником или же накрывают им мертвеца. Чем более потрепан такой коврик, тем для покойника лучше. Коврик играет роль как бы истекшего сроком векселя, который предъявляют к уплате про року: «за столько-то предоставленных вашей святости доказательств благочестия».

Но когда такой коврик еще новый, ему можно дать и отличное мирское назначение. Его можно положить перед кроватью или диваном, или под письменный стол. Мой приятель, военный комендант, давно просил раздобыть ему при случае пару таких ковриков. Я заказал три-четыре штуки и для себя. Шейх шариф ушел, а спустя несколько часов матрос принес мне узел и оставил его в углу передней галереи.

Вскоре явился другой араб, так же пышно одетый, в сопровождении свиты и такой же степенный, как и первый. Назовем его шейх Авал бин Айдрусси эль Маскат. В сильном возбуждении он стал мне рассказывать, что его товарищ шейх шариф — пройдоха, узурпатор, бунтовщик, фальшивый анаода. По словам шейха Авала, он, Авал, является и капитаном, и собственником корабля, и законным владельцем груза. Он обстоятельно, но довольно путанно рассказал о мятеже, будто бы разыгравшемся на корабле, в результате которого он противозаконно был лишен своего звания и товаров. Во время рассказа взор его упал на узел с прамедани. Мой приятель, комендант, распаковал его и любовался цветами на ковриках. Грубость ткани не портила узора. Грубо подстриженная шерсть была так густа!

— Не платите за них мошеннику шейху шарифу, мейнхер! Он собака, шельма, вор! Да проклянет господь бог его отца, и деда, и прадеда! Ради бога, мейнхер, не платите за эти прамедани бессовестному шейху шарифу!

Я созвал суд. Это значит, что я сел за письменный стол и открыл заседание в полном одиночестве. Так как истец и ответчик были чужеземцы, то данное дело не подлежало юрисдикции совета раппат, в котором заседали вожди Натальской провинции. Шейх шариф Алгабаши и шейх Авал бин Айдрусси эль Маскат хорошо рассчитали. Они были предоставлены моей одинокой мудрости, а могли, пожалуй, попасть и в худшее положение.

Ох, эта молодость! Эта простосердечная, славная молодость! Разве можно было предвидеть, что когда-нибудь придется делить ребенка между двумя арабами?

А какую ошибку допустил наш Ваутер¹, не правда ли, не уделив должного внимания «суду Соломона»? Кто может поручиться, что ему не придется когда-нибудь также делить ребенка между двумя арабами?

Я сказал «ребенка» лишь из желания сохранить местный колорит Соломоновой мудрости. Мне пришлось иметь дело с прамедани. Соломону было чертовски легко судить, ибо распознать мать гораздо проще, чем анаходу. И еще вдобавок человеку, который имел столь широкие возможности упражняться в познании женского пола! Я же с трудом мог отличить араба от *клингалеца*², не говоря уже об огромной разнице в доходах миропомазаных еврейских фэторов и какого-нибудь бедного князька провинции Наталь. В сущности я имел полное право быть менее мудрым, чем Соломон, но верно и то, что я приложил много стараний к тому, чтобы не осуществлять это право. У меня, например, не было придворного живописца, о чем можно пожалеть, ибо подходящая картина в этом деле была бы весьма уместна. В таком случае новое поколение Ваутера могло бы написать красками «Первый суд Мультадули». Могли бы выйти в свет и гравюры с изображением этой сцены. У обоих шейхов были бы бороды, за которыми я мог бы

¹ Ваутер — сын автора.

² *Клингалецы* — торговый народ, родина которого Цейлон или Малабарский берег Индостанского полуострова. Они очень темнокожи, но красивого арабского типа и слывут весьма искусными коммерсантами. (Прим. автора.)

спрятать свою тщедушную фигуру и брови, которые посрамили бы мою бородку. Затем кафтан, широкие шаровары, тюрбан и прочие аксессуары, точь-в-точь как у патриарха Иакова. О, они имели такой почтенный вид. А я...

Я обливался потом. Не торопись сказать, читатель, что я ненаходчив. Я хотел бы тебя увидеть между двух сынов Измаила, орущих, проклинающих, божащихся, сквернословящих...

А свидетели! Половина экипажа стояла за шейха шарифа. Другая половина клялась богом и пророком, что подлинный капитан шейх Авал.

Ибо я сделал то, что, по-видимому, упустил сделать библейский Соломон: я вызвал свидетелей.

Но это не помогло мне. Обилие пролитого ими света повергло меня в кромешную тьму.

Судовые документы? Они столь же мало помогли раскрытию истины. Пачкотня и путаница.

Я вел судебное следствие все следующее утро, и мне было стыдно перед натальским туанку¹, высшим представителем местной власти, перед которым мне очень хотелось выставить в выгодном свете свою проницательность. Он, как и некоторые другие представители местной власти, тоже заказал и получил несколько прамедани, так что счет за поставленные коврики выражался уже в солидной сумме. Туанку пришел ко мне с визитом как раз в тот момент, когда я, утомленный бесплодным следствием, терял последние остатки мужества.

И вдруг меня осенило. Я отослал свидетелей и обратился с цветистой речью к обоим арабам, которые, казалось, хотели горящими взорами исторгнуть у меня решение.

— Шейх шариф Алгабаши, сколько прамедани ты доставил и сколько стоят эти прамедани?

Он назвал сумму.

— Шейх Авал бин Айдрусси эль Маскат, сколько прамедани ты доставил и что они стоят?

¹ Слово «туанку» на о. Суматра буквально означает: «мой господин» — высший титул (после султана, в те времена, когда султаны еще были на острове). Высший ранг местного чиновника на службе голландского правительства — «янг ди пертуан» — тот, кто правит (jang di pertoean). (Прим. автора.)

Шейх Авал также назвал сумму, которую он требовал.

— Я говорю тебе, шейх шариф Алгабаши, что ты бесстыжий человек, навлекающий позор на голову своего отца. Много ли еще таких людей в великой стране Абиссинии? Позор стране Абиссинии! А тебе, шейх Авал бин Айдрусси эль Маскат, я говорю, что ты плохо воспитан и у тебя манеры человека, который... не знает правил обхождения. Да, ты грубый человек. Твоя мать должна быть удручена тобою, стыдиться за тебя должна она. Разве так ведут себя в таком краю, как Маскат? Нет, это великий позор для страны Маскат.

Что вы сделали оба? Вы плывете на корабле с товарами. Это хорошо. Так поступил и Синдбад, и он стал богатым человеком, потому что он... понимал обхождение. Но у вас нет никаких манер. Вы помрете, как псы без хозяина. Это говорю вам я.

Когда я отправляюсь в путешествие, в морское плавание и занимаюсь торговлей, как поступаю я? Я вежлив и обходителен. Когда я приезжаю в Маскат, что делаю я? Я приветствую султана, я делаю ему подарок. А что я делаю, когда приезжаю в Магдалу? Я склоняюсь перед *негусом* и подношу ему дары. Вот это манеры человека, который странствует, ездит по морям, ведет торговлю и... знает надлежащее обхождение.

Но у тебя, шейх шариф Алгабаши, и у тебя, шейх Авал бин Айдрусси эль Маскат, нет хороших манер. Ты, шариф, рожден погонять упрямых ослов. Ты, Авал, заслуживаешь того, чтобы тебя лягал бешеный верблюд.

Я командор Наталя, а вы вели себя со мною так, словно я самый ничтожный человек. Этот господин — комендант Большого форта¹, который вы, наверное, видели, когда плыли по реке, — тоже не простой человек. Он малайский вождь и, следовательно, знатный человек. Он господин туанку всей страны Наталь. И те *дату*, которым вы прислали ваши прамедани, все они особы с весом и в почете в этой стране.

Поднесли ли вы мне достойные дары? Нет. Господину коменданту? Также нет. Господину туанку? Нет. Дату

¹ Этот форт назывался Марльброуг. Построен англичанами, довольно большой, но в мое время запущенный, с маленьким гарнизоном. (Прим. автора.)

Синарапандьянгу? Дату Путиху? Другим дату? Нет, нет, нет, этого вы не сделали! Не ужасно ли это? О, как ужасно, *астага-перлах!*¹

Стало быть, вы люди с дурными манерами.

Но я этого не выношу. И я говорю вам, что вам надлежит подарить прамедани мне и всем другим знатым господам. Если вы хотите продать что-нибудь, пытайтесь счастья на базаре или у китайских торговцев... а мы *не* заплатим вам за ваши прамедани! И пришлите мне немного розового масла, но самого лучшего сорта. А теперь убирайтесь прочь оба!

Разумеется, они хотели возобновить свои жалобы. И поистине было на что! Но я приказал выгнать их, и при том грубо. Туанку ошалело смотрел на меня.

— Что ж теперь? — спросил он.

Я попросил его послать кого-нибудь из его свиты на базар — «произвести дознание и рапортовать о результатах».

Выяснилось, что наши двое правоверных приютились у одного китайца и там изливали свою обиду с одинаковым пылом, но в разных направлениях.

Один высмеивал своего соперника и дразнил его тем, что он обанкротился на своих прамедани.

А другой?

«Это возмутительное обращение! — кричал он. — На рейде мне рассказывают, что тут не принимают никаких даров, а на берегу забирают мое добро! Я буду жаловаться великому господину в Паданге!»

Узнав об этом, я велел позвать ко мне обоих дружков и воздал им каждому по заслугам. Один получил свои деньги, а другой сел в тюрьму, где и квартировал с парочкой своих приверженцев до тех пор, пока не подвернулась оказия отправить его вместе с необходимыми объяснениями обратно в Персидский залив, где был приписан этот корабль. Как пошло дело дальше, мне неизвестно.

1873 год (Из цикла «Иден»)

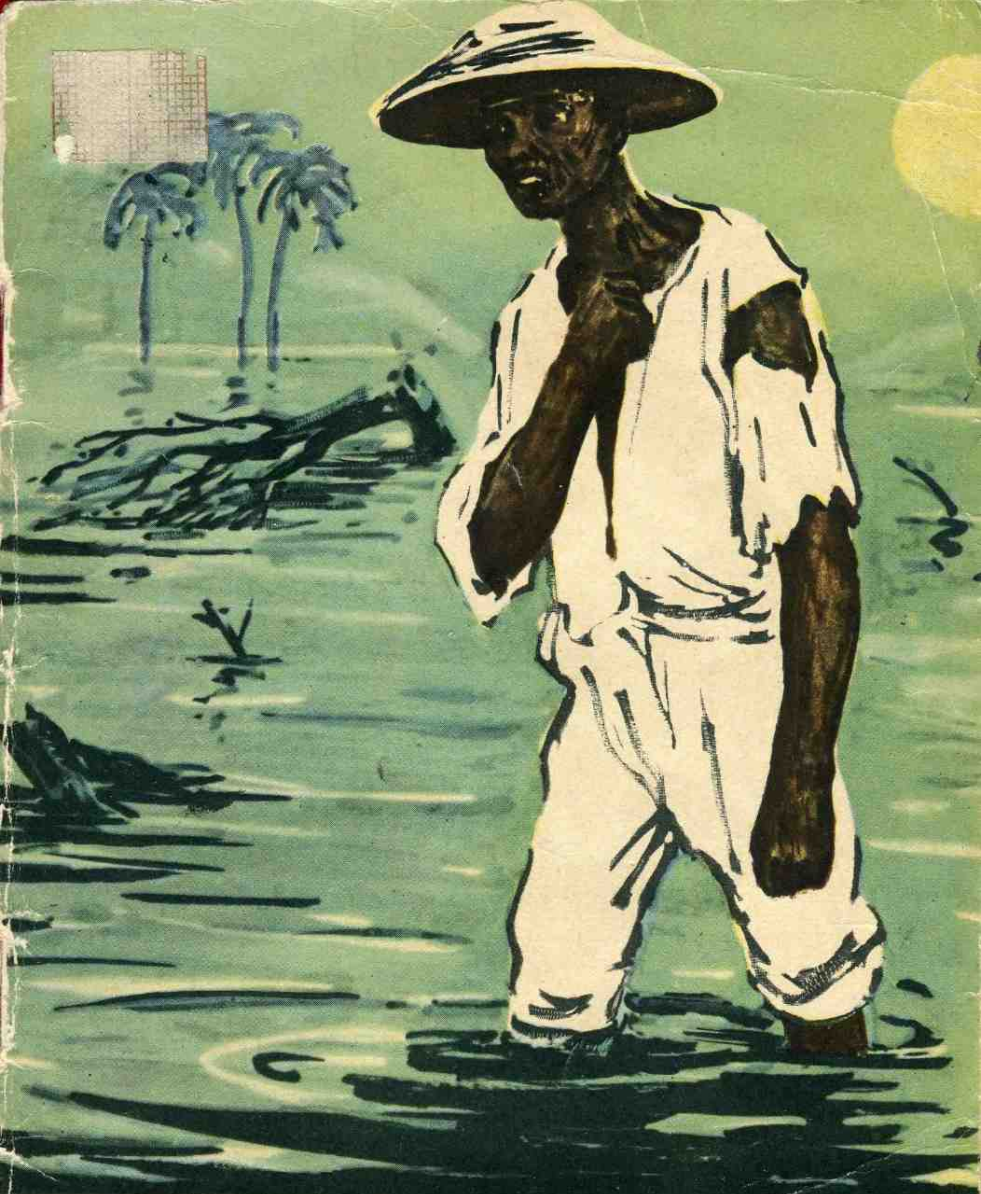
¹ Арабская клятва (собственно «истаграфар-аллах», нечто вроде: «Клянусь богом! Бог узнает!») (Прим. автора.)

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

55 K.

M.Y. - 05 KM.

МУЛЬТАТУЛИ
СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ